

Аллея Висячей Толпы
Роман Седов

Роман Седов

Аллея Висячей Толпы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68518725

SelfPub; 2022

Аннотация

Идя в лес в одиночку, человек ощущает страх. Идя в одиночку в лес, где проходили и проходят казни людей, человек тоже испытывает страх, и даже больший. Когда человек идёт в такой лес, живя в мире, навечно изменённом сверхъестественными событиями прошлого, страх испытывает его.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	38
Эпилог	49

Роман Седов

Аллея Висячей Толпы

Пролог

Этот город был пустым и малонаселенным. Дома, в старом стиле, словно сошедшие с фотографий, запечатлевших некоторые улочки времен девятнадцатого века, будто бы выражали его отчуждённость от остального государства. Остальной мир стал огромным механизмом, слабо способным во-обратить в себя новые детали. Так маленькие, оторванные из-за произошедших ранее катаклизмов, городишки постепенно превращались в безлюдные пустыри. Некоторые выживали и жили своими силами. Кто-то выращивал еду на собственных полях, кто-то незаметно торговал с соседними странами, а кто-то делал и то и другое, да к тому же принимал к себе разные светлые умы, сбежавшие из мегаполисов, не выдержав тамошней жизни.

Этот город был из таких. Взяв себе имя инженера-беглеца Стронгля, принёсшего с собой разные диковинные механизмы, он начал жить собственной жизнью. Остатки индустрии, довольно обширные поля, и, пусть кое-как, но всё же налаженная торговля с соседними странами, позволяли ему вполне неплохо жить. Именно жить, не выживать. За исклю-

чением нескольких внутренних неудобств.

Проблемой стали преступления, в первое время совершаемые регулярно, ведь контроль над законом не осуществлялся должным образом. Поняв, что посадка в тюрьму не снижает уровня преступности, городские власти решили поставить в первую очередь телесные наказания, вроде избиения розгами, кнутами и плетями, а также смертные казни.

Самой распространённой стала казнь через повешение. Чтобы не пугать жителей, было решено вешать осуждённых на смерть в самой дальней аллее, стоящей на окраине города. За долгое время на деревьях скопились целые толпы мёртвого народа. Из-за этого она получила название Аллея Вишней Толпы.

Как говорится, именно это место сыграло ключевую роль в нашей истории.

Глава 1

Стояло лето. Мокрое и холодное лето. Практически каждый солнечный день чередовался с сильнейшим ливнем. А когда, наконец случалось что-то новое, то это был сильный ветер. Почти ураган. В один из таких, ничего не предвещающих июльских дней, когда ветер всё так же, как обычно, гонял по улице листья деревьев, листы бумаги и прочий мусор, а с неба накрапывал мелкий дождик, в отделение местной газеты «Глашатай» сломя голову ворвался человек, бледный от ужаса.

Он добежал до кабинета главного редактора, по пути расталкивая всех, кому не повезло стоять на его пути. Распахнув дверь кабинета, он увидел главреда, который хотел было обрушить всю накопившуюся злость на него, за такую наглость, но вдруг признал в нём старого знакомого. Сменив гнев на милость, хозяин кабинета спросил вошедшего:

– Мишка, ты, что ли? Ты по делу или так?

– По делу, Павел Семёнович, по делу. Меня чуть не убили!

– Какова может быть моя помощь? Мы новости пишем, а не преступления расследуем. Тебе надо в полицию обратиться.

– Я уже был у них. Они сказали, что не расследуют такое. Ну и я сразу же побежал к вам.

– Так, а что же всё-таки стряслось? – весть о возможной

сенсации не оставила его равнодушным. – Рассказывай с самого начала.

В голос главного редактора вернулась привычная твёрдость и требовательность. За последний месяц не произошло ничего интересного, что абсолютно выбило Павла Семёновича из колеи. Газета, ранее рассказывающая о грандиознейших событиях, стала выпускать новости практически обо всём и даже слегка привирать. Но заявление главредовского гостя дало ей надежду на спасение от «пожелтения».

И гость заговорил. Быстро, сбивчиво, но, вроде, понятно. Внимательно выслушав, и обдумав услышанное, главный редактор резко встал и, подойдя к выходу, сказал:

– Идём.

Гость поднялся со своего места и последовал за успевшим покинуть кабинет Павлом Семёновичем.

Выйдя из кабинета, они прошли по коридору и зашли в другой, меньший по размеру, где сидел всего один человек. Это был худощавый юноша, с крайне измученным лицом и синяками под глазами. Когда двое вошли, тот как раз закончил работу за печатной машинкой и откинулся на спинку стула, потягиваясь.

– О, Женя, ты уже дописал? Отлично, у меня тут для тебя дело есть! – воскликнул Павел Семёнович, входя.

– Да, а что за дело? Можно мне для начала домой схожу, да выплюсь? Я тут со вчерашнего дня и меня прямо сейчас в сон клонит. – после этих слов он сладко зевнул, прикрыв-

шить рукавом кофты.

– Сначала выслушай. Миша, расскажи ему всё, что рассказал мне.

– Ага, давай. Чёрт с вами, всё равно ж не отпустите.

С этими словами Евгений вынул из печатной машинки последний лист, положил его в лежащую рядом стопку, и вставил новый. И Михаил под треск клавиш, сбивчивым голосом заговорил:

– Так вот, пошёл я значит в Аллею нашу, к тому месту, где Марине Пономарёвой монумент поставили, ну, которую тот...

– Мы все помним, что тогда случилось, давайте перейдём к сути. – перебил его записывающий.

– Да-да, к сути... Решил я там прибраться слегка, цветочков новых посадить, а то моя очередь, вроде как. Дошёл я значит до места, часа в два, спокойно, без происшествий. Начал наводить порядок и провозился аж до шести. Тогда уже темнеть начало и я, собрав все свои вещи бросил взгляд на столетний дуб, что напротив стоял. А там, мерно покачиваясь на ветру, на меня висельники смотрят! Да таким холодным, будто осуждающим взглядом...

– А как они смотрели, если они обычно в мешках висят? – поинтересовался Евгений.

– Так ведь у них глаза светились! Белым таким светом...

– Всё равно как-то не верится...

– В наше время и не такое бывает! У меня у племянни-

ка в научной книге есть ритуалы по оккультизму... А ведь выходят такие из-под гостовской печати!– вклинился Павел Семёнович, – Так почему же не может быть этого?

– Да потому, что даже при этом, так быть не может. Не припомню, чтобы при мороке очевидец обращал внимание на такие мелочи, как ветер. А это определённно морок.

– Ладно, позже с этим разберёмся, Михаил можешь ещё что-то рассказать?

– Да, я, когда убежал оттуда, услышал шёпот, тихий та-кой...

– А что говорил шёпот? – Евгений на время оторвал глаза от машинки.

– Да, он пел... Какую-то старую песенку, но я её уже слышал... Мне её кажется бабушка в детстве пела, хотя точно не помню, испугался всё-таки...

– А больше ничего не было?

– Нет, когда я выбежал из Аллеи голос исчез, а я побежал в полицию и потом к вам.

– Если это всё, можешь пока идти, а мы с Павлом Семёновичем обсудим эту историю.

– Да-да, иди пока, а я, может завтра пришлю к тебе Колю Смирнова, он расспросит тебя снова. Может чего-нибудь новое вспомнишь.

– Хорошо, до свидания. Надеюсь вы разберётесь с этим делом, – проговорил Михаил, уходя.

Когда он вышел, Павел Семёнович взял стопку бумаг, ко-

торуЮ напечатал Евгений и, подойдя к окну, опёрся на него и стал читать.

В тот же момент, Женя, покачиваясь подошёл к тому же окну, сел на подоконник и прикрыл глаза.

– А неплохо! — воскликнул главный редактор, отчего, задремавший было, Евгений дёрнулся и проснулся.

– Отлично, можно я уже пойду? – спросил он, зевая.

– Так, а что с Аллеей? Ты чего-нибудь придумал?

– Ну, может это и вправду морок или ещё какая-нибудь доселе неизвестная ерунда. Тут на днях торговцы новые книги от Александра Петровича Бойля привезли, я взял все. Я посмотрю, может там есть.

– Обязательно посмотри. А после того как помотришь, сходи поинтересуйся у Аполлинарии Николаевны, она ведь близко к Аллее живёт, не видела ли она чего. Ну и в саму Аллею сходи. Если это окажется обычным мороком или миражом, то это уже интересно, а если...

– Я то конечно схожу, – прервал его Женя, – но с вас после этого отпуск на две недели и гонорар в сотню резей. Идёт?

– Идёт. — ответил вмиг помрачневший Павел Семёнович.

Они пожали руки и Евгений отправился домой, восстанавливать силы перед новым делом.

Выйдя из здания, он увидел стоящую неподалёку повозку. Кучер остановился, дабы наскоро перекусить. Женя подошёл к нему и спросил:

– Сколько до Микитинской?

– Две рези, сударь, – ответил водитель, жуя.

Когда ящик доел, Евгений отдал два маленьких металлических блинчика и, открыв дверь, сел.

Доехав до своей улицы Евгений слез повозки и отправился к себе домой. Он жил в квартире, самой обычной по меркам его родного города, на втором этаже самого обычного дома. Пока ехал домой он еле сдерживался от того, чтобы не задремать. Когда он добрался до своего скромного жилища, то упал на кровать, сняв лишь обувь. От немалой усталости, он не увидел снов.

Когда Евгений проснулся он быстро поел, умылся и отправился на работу. Он взял с собой механическую диковинку, подаренную одним из беглых инженеров – наручные часы с встроенным в них календарём. Он состоял из трёх барабанов, указывающих число, месяц и год. Сейчас на них было девять часов утра пятого июля две тысячи триста тридцать шестого года. Они казались Жене весьма забавной и полезной штукой, хоть в некоторых случаях и не удобной: можно посмотреть и время, и число, но при этом приходилось переводить их, если в месяце было меньше тридцати одного дня. А барабан, что указывал годы следовало менять раз в пять лет у того самого мастера, подарившего их. Ещё одним изъяном этих часов была их толщина, которая требовалась, чтобы уместить туда барабаны и механизмы, приводящие их в действие.

Но их хозяин проблемы в этом не видел, ведь толщина

была не слишком велика, а потому почти всегда носил их на руке. Так же он взял фотоаппарат – полароид, приобретённый у иностранного купца.

Перед выходом он пролистал недавно купленные книги. В них, на первый взгляд не было ничего похожего на происшествие в Аллее, а поэтому разбираться в этом ему придётся самому.

Сложив все вещи в сумку и перекинув её через плечо он вышел из дома.

Поездке в повозке он предпочёл пешую прогулку, благо от его дома до места было всего примерно полчаса пути.

Неподалёку от входа в Аллею, на обширной поляне, стоял небольшой дом с участком, огороженным забором. Там жила пятидесятилетняя женщина, выращивающая всякую живность в отстранении от остальных.

Калитка была не заперта. Он подошёл к окну и постучал. За окном, из-за кружевных штор, показалось лицо хозяйки. Бросив короткий взгляд на пришедшего, она исчезла в глубине комнаты.

Открыв дверь, женщина вышла на крыльцо и проговорила:

– Здравствуй, Женя! Какими судьбами?

Она была худым, подвижным человеком, с огоньком в глазах. Некоторая отстранённость от города явно не портила её. Он знал её почти с детства, когда она приглядывала за ним, его сестрой и братом, приходясь всем троим тёткой по мате-

ринской линии.

– Здравствуйте, Аполлинария Николаевна. Я по делу, – ответил он, – мне нужна ваша помощь.

– Ну, заходи в дом, не стоять же на крыльце.

Она приглашающе махнула рукой и открыв дверь вошла сама. Евгений пошёл вслед за ней.

– У меня как раз готов чай, – она сняла чайник с печной плиты и поставила на стол на подставку и, достав кружку, плеснула в неё кипятка, – садись за стол, рассказывай, что за дело.

– Ну, тут недавно с одним человеком беда в Аллее приключилась. Видел он висельников со светящимися глазами. А ещё голос какой-то слышал. Вот я и решил спросить вас, не видели ли вы, или не слышали чего-то странного?

– Если так подумать... – она задумавшись стала лить заварку в кружку, – кажется ничего странного не было... – она отложила заварочный чайничек и сев за стол, опёрла голову на руки, – хотя, у меня как-то на днях одна из куриц убежала в Аллею. Когда я её нашла и принесла домой, она спряталась в глубине курятника, а потом снесла яйцо. Птенец сумел сам вылупиться, но после этого он упал замертво, ведь часть его тела была вся в глубоко проросшем лишае, с ярко-белыми пятнами. Я такой ещё никогда не видела. Мне пришлось отнести его и остальных в город к Карлу Ивановичу, ветеринару. Он сказал, что тоже никогда такого не видел и посоветовал сжечь его, чтоб зараза не перекинулась на остальных. Их

она пока не тронула.

Евгений всё это время молча слушал, попивая налитый Аполлинарией Николаевной чай и записывая историю в прихваченный блокнот.

– И вы его сожгли?

– Да, а чего ещё делать. Вдруг другие цыплята подхватили бы, потом курицы, потом остальные животные, а потом и я. А потом и ты и все остальные в городе. Оно мне надо?

– Это, конечно, правильно, но лишай, даже такой необычный – это, вроде как, гриб, который перескакивает, только если его голыми руками трогать. Вы ж его, цыпленка, то есть, в перчатках носили?

– Конечно же в перчатках, как же иначе. Но всё равно лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Это да. Больше ничего не было? – спросил Женя, глядя на часы. – А то я пойду, пожалуй.

– Постой-ка, у меня тут пирожки, да сочни были, возьми с собой. – тон её говорил о том, что она вовсе не спрашивает.

– Ой, а у меня места в сумке больше нет... —прощebetал Женя, пятясь.

– А у меня мешок был, заплечный, – ответила хозяйка, доставая пироги из печи.

– Ну, давайте. Еду я всё равно с собой не взял.

– Ну, вот, как раз возьмишь...

Снаряженный, Евгений попрощался, вышел из дома и от-

правился к главной цели своего маленького путешествия –
Аллее Висячей Толпы.

Глава 2

Аллея встречала его старой, ржавой, и скрипящей, от малейшего дуновения ветра, металлической аркой ворот. Каждый скрип дёргал его нервы, растянувшиеся от волнения будто гитарные струны, и навевал грустные мысли.

Вокруг Аллеи не ходило каких-то страшных городских легенд, что странно, по ней даже не гуляли дети, надеясь пощекотать себе нервы. В неё вообще почти никто не ходил. Но в то же время посещение этого места не было под запретом. Кто – то, как тот же Михаил, ходили туда, дабы подправить мемориалы, установленные в честь жертв тех, кто заслужил вечное пребывание здесь. Кто – то ходил дабы вновь, увидеть своего родственника, что болтался на одном из здешних деревьев. Никто не запрещал делать этого. Запрещалось только трогать и снимать с деревьев висельников.

Их верёвки были пропитаны одним составом, чтобы не сгнить и не оборваться. Мешки были пропитаны другим составом, состоящим из ладана и других пахучих веществ, который препятствовал распространению запаха разложения. Всё это было сделано для того, чтобы запечатлеть деяния каждого здесь висящего и отвадить остальных от преступлений. Это имело хоть и не всегда положительный, но эффект. Из – за этого можно было лишь изредка, раз в два – три года, наблюдать суд над новым убийцей или насильником, ко-

торого вели сюда.

Евгений, душа которого сжалась от гнетущей атмосферы, пропитавшей каждую веточку дерева в Аллее, медленно шёл вглубь. Никаких странностей, описанных Михаилом, прямо сейчас видно не было. Он не мог определиться, верить его словам, или же нет. С одной стороны, нечто подобное могло произойти, ведь мороки часто происходили с разными людьми

в разных частях этого места. А с другой, это могло быть лишь плодом фантазии парня.

Александр Боуль, чьи книги Евгений читал, утверждал, что следует различать игру воображения и реальные события. Судя по рассказу Михаила, висельники качались на ветру. Зачем, спрашивается, сознанию цепляться за такую мелочь? А затем, что дьявол, как говорится, кроется в деталях. Тот, кто подвергается действию морока, обычно не обращает на такое внимание. Он видит общее, без частного. Но чтобы удостовериться в этом, следовало всё увидеть лично. За этим Женя и отправился в Аллею. Он, как и Павел Семёнович, хотел посмотреть, а по возможности и запечатлеть, то о чём им рассказал очевидец.

Он прошёл мимо ответвления от основной дороги. В отличие от выложенной брусчаткой дорожки, поворот представлял из себя тоненькую, еле различимую тропинку. Эта тропинка вела в место, где люди лишались жизни, будучи осуждёнными всего одним человеком – собой. Роща Отчая-

ния, так её называли те, кто когда-либо задумывался пойти туда. Евгений как-то общался с подобными людьми. Одного он знал довольно давно, ещё со школы. Женя часто виделся с ним в одной из забегаловок Стронгля. Тот вёл себя совершенно обычно: при встрече делился историями из своей жизни и даже смеялся над некоторыми.

Известие о самоубийстве знакомого потрясло Евгения. Он много дней после этого пытался вспомнить, что могло сподвигнуть обычно жизнерадостного весельчака на такой поступок. Ответа он не отыскал до сих пор.

Второй потенциальный висельник, которого Женя знал, был однажды встречен им в городском парке. Евгений сидел на скамейке, читая книгу, когда рядом с ним сел молодой парень, настолько мрачный и преисполненный грустью, что казалось, будто за ним шла вторая тень, кроме той, которая отбрасывалась от солнца. Женя видел в нём явственное желание пойти в Аллею и отыскать ту самую Рощу. Юноше тогда было лет шестнадцать от роду. «Надо же, — подумал, вспоминая, Евгений, — Всего на три года младше меня!»

Он начал крутить головой вокруг, в поисках повода для начала разговора. Повод нашёлся сам собой. Парень схватившись за голову, чуть приподнял свою кепку, которую через некоторое время снесло дуновением разыгравшегося в тот день ветра. Жене удалось выхватить её из лап стихии и, передавая головной убор владельцу, он произнёс:

– От такого ветра будто солнце по небу быстрее плывёт,

вам не кажется?

– Не-а, не кажется. – ответил парень, принимая кепку.

Он вновь замолчал на некоторое время, но неожиданно дамба, что сдерживала его негативные эмоции вдруг прорвалась. Он проговорил:

– Ветер не так уж и плох. Есть кое-что похуже...

– И что же? – Евгений прикрыл книгу, положив пальцы между страниц, – погода влияет на всё. И даже на настроение.

Он казался себе дедом, просвещающим юнца, но всё же его идея сработала. Парень встрепнулся и вспылчиво прошипел:

– Слепота, например.

– Неужели ты слеп?

– Я то – нет, а вот люди – да. Каждый уткнёт нос в пол и идёт по одному ему известным делам. Будет ему нужно, он их поднимет, а не будет, так пройдёт и даже внимания не обратит!

– Так ты, что же жаждешь внимания?

– Нет. Но когда в кои-то веки решаешь быть полезным, никто не хочет даже взгляда поднять.

– Так тебе нужна работа?

– Ну... да!

– Ну, я полагаю, что могу тебе помочь.

В тот день Евгений привёл его в отделение газеты, где, после недолгого собеседования, Николай, так звали парня, на-

конец обрёл работу. Он и его сестра не так давно стали круглыми сиротами и не могли свести концы с концами. Когда сестра заболела, ситуация стала ещё хуже. Безденежье было редким явлением в Стронгле, но всё же встречалось.

Коля был благодарен Евгению за спасение, ведь он собирался идти искать Рощу сразу после выхода из парка.

Перебирая в голове воспоминания, Женя дошёл до мемориала, посвящённого Марине Пономарёвой. Того самого, возле которого Михаил столкнулся с мороком. Ну или не мороком.

Судьба Марины играла не последнюю роль в жениной жизни. Он знал её примерно с ясель и виделся с ней вплоть до своих тринадцати лет. Она была доброй, умной и общительной девочкой. Когда они учились в школе, с ней общались почти все, и стар и мал. Всякий мог найти в ней собеседника. Общительность и природное любопытство сыграло с ней злую шутку.

Её исчезновение заметили сразу. Когда нашли и поняли, что она погибла, а главное от чьих рук, виновника сразу повели в Аллею. Ему надрезали кожу над ушами, чтобы он не погиб от кровоизлияния в мозг, замотали в мешок с отверстиями для дыхания и повесили вверх ногами, повесив табличку с надписью «Детубийца». Судья покинул Аллею сразу после прочтения приговора, оставив гада на растерзание толпе. Старшие мальчики из школы принесли гальку с реки и стали бросать в него.

Каждый из бывших на казни в тот день кинул в него хотя бы по разу. Женя бросал много. В его голове тогда боролись два желания: прекратить, как это требовала общепринятая мораль и продолжать, на что подталкивал гнев вкупе с отчаянием. Он выбрал прекратить, неожиданно осознав, что это не вернёт Марину. После этого развернулся и опустив голову поплёлся к выходу. Он успел увидеть, как её отец взял тяжёлую палку. Звуки возвестили о том, что жизнь мерзавца была прервана.

Он ушёл оттуда неся на душе свежую рану, успевшую зажить за это время. Когда он услышал от Михаила об этом мемориале, его рана будто получила осязаемый тычок, теперь, когда он вновь увидел его, её будто скovyрнули.

Утерев слёзы, текущие по щекам, он поднял голову и увидел дерево, на котором очевидец увидел светящихся глазами висельников. Сейчас это было просто дерево, дуб, если быть точнее, на котором висели тела осуждённых на смерть. Ни света из глаз, ни таинственного голоса. Ветра не было, а поэтому они даже не качались.

Евгений некоторое время подумал, но всё же не решился подходить дереву. Он пошёл дальше вглубь Аллеи, в надежде найти что-нибудь интересное там.

Он всё шёл и шёл. Временами делал привалы на пнях, упавших деревьях, а иногда и на голой земле. Вокруг царил тишина, и лишь шуршали от порывов ветра листья деревьев и скрипели верёвки. Эти звуки уже начинали действо-

вать ему на нервы, как вдруг он вышел на небольшую поляну. Женя никогда не заходил так глубоко в Аллею и не видел такой поляны, поэтому весьма приободрился. Оказавшись в центре поляны, он вдруг почувствовал страх. Не страх даже, а глубинный ужас.

Первобытный и древний, исходящий из самых скрытых цивилизованностью инстинктов. Тот, что заставлял людей в доисторические времена прятаться по ночам в своих примитивных жилищах...

Внезапно, озирающийся по сторонам Евгений услышал хруст веток в кустах, окружающих поляну. Через некоторое время через кусты подрались волки. Он насчитал семерых. И крупные, и мелкие, и серые, и чёрные. Разномастные, в общем. Кроме голода, ясно читавшегося в их глазах, их объединяло ещё кое-что. Их тела покрывал лишай белого цвета, как тот, о котором рассказывала Аполлинария Николаевна. Они, скалясь, подбирались всё ближе и ближе к человеку.

Он только и успел подумать о том, откуда в Аллее волки, как его повалили на землю и начали рвать всей оравой. От страшной боли он потерял сознание...

Евгений очнулся от звуков возни. Открыв глаза, он увидел небо, по которому проплывали рваные облака. Слово «рваные» заставило его вспомнить и содрогнуться, что вызвало волну пульсирующей боли, прокатившуюся по всему телу. Он опустил голову вниз. Там, у его ног, двое волчат пытались добраться до содержимого сорванного с жениных плеч

заплечного мешка. На всё остальное, кроме их матери – волчицы, Женя старался не смотреть. Он глядел на щенков, чувствуя, что вновь теряет сознание. Неожиданно, оторванная от мешка пуговица упала на его ногу, отчего он дёрнулся. В голове его билась, словно мотылёк, рвущийся к свету, мысль о том, почему он не умер от болевого шока и почему он не чувствовал ничего кроме падения пуговицы? Его размышления, продлившись около мгновения и никчему не приведшие, прервала волчица, принявшая его агонию за опасность. Он успел лишь увидеть зубастую пасть, летящую к его шее. После была тьма...

Глава 3

Евгений вновь очнулся. В этот раз его разбудил тычок в глаз. Отмахнувшись, он услышал странный хриплый кашель, что быстро отдалялся от него. Открыв глаза, он увидел кружившего вокруг него ворона, который, очевидно пытался добраться до его глаз. Женя перевёл глаза вниз и ужаснулся, не увидев ниже шеи ничего. Ничего, что могло напоминать о том, что его почти целиком съели волки. В его голове пронеслась воспоминания о произошедшем.

«Вот откуда взялись волки и почему я ничего не чувствовал, – подумал он, – это был морок! Это был всего лишь морок!»

Евгений не заметил, что выкрикнул последнюю фразу вслух. Об этом ему возвестило эхо из леса, произнесённое будто бы хором из сотен разных голосов. Это напомнило ему о его задании. Быстро записав всё, что с ним произошло в блокнот, Женя взглянул на часы. Было два часа дня. Он точно помнил, что вошёл в Аллею в одиннадцать, а значит, с учётом того, что до поляны он добрался за час – полтора, выходило, что на ней он провалился ещё столько же. Поднявшись, он поспешил к другому концу проклятой поляны. Евгений вошёл под прохладную сень деревьев, что разгоняли давящую на уши тишину своим шелестом.

Он размышлял о том, что скорее всего, если в его случае

был всего лишь мираж, значит и Михаил видел всего лишь наваждение. А миражи или мороки – довольно частое явление, которое можно встретить в любом безлюдном месте. А это, в свою очередь, сулит написание скучной статьи и добавление всевозможных додумываний, недопустимых в этом случае, ведь те, кто работал в газете до него часто прибегали к такому методу, до тех пор, пока их не раскрыли. С тех пор газета стала писать мало, выходить редко, но, как говорится, метко. Павел Семёнович тщательно следил за этим. Тогда была неплохая конкуренция, но сейчас, многие покинули город, как это обычно бывает, в поисках лучшей жизни. А в газете «Глашатай» осталось всего три человека: Павел Семёнович, как потомок её основателя, Евгений, как особо ценный для главреда кадр и Николай, стимулы которого были описаны раньше.

Женя так глубоко погрузился в свои мысли, что не заметил, как отклонился от тропинки и врезался в дерево. Защищаясь от удара руками, он влез правой в пятно лишайника, что рос на нём. Отряхнувшись, он вернулся на тропу и как ни в чём не бывало пошёл дальше.

Впереди маячила арка, которая вела из Аллеи в лес, в котором тоже висели люди.

Евгений неожиданно почувствовал, что заплечный мешок, висевший на его спине стал легче. Судорожно сняв его, он не обнаружил гостинцев от Аполлинарии Николаевны. Там было пусто. Женя запустил руку внутрь, дабы удостове-

риться в этом. Ничего не было. Вынув руку обратно, он обнаружил то, что заставило его похолодеть. Это была серая шерсть.

Мягкая, почти невесомая, она могла принадлежать волчатам, которые рылись в нём. Выходило, что это был не морок, но ведь он точно видел, во что превратилось его тело тогда. Женя начал дёргано задира́ть рукава своей куртки, в надежде удостовериться хоть в чём – то. Но безуспешно: руки были целы, ноги под штанинами тоже.

В итоге у него было два взаимоисключающих доказательства произошедших событий. Одно говорило, что это был очередной морок, возбудитель которого поселился посреди поляны, а второе, что пропавшая выпечка и оставленная шерсть – прямое доказательство реальности произошедшего.

Решив, всё же, разобраться с этим позже, Евгений свернул мешок и привязал его к лямкам на сумке, которую носил через плечо. Они наверняка предназначались не для этого, но так было удобнее.

Наскоро описав неожиданные подробности в блокноте, он отправился к арке.

Эта арка была менее вычурной, чем входная и покрыта по всему периметру пятнами глубокой ржавчины. Пройдя через неё, Женя посмотрел себе под ноги. Тропинка, лежащая под ними, была всё тоньше, в некоторых местах росли ручки травы. Если на поляну и мог забрести редкий гость, то сюда

не заходил никто. За аркой пролегал лес. Он не был густым, а потому, вокруг было довольно светло.

Евгений шёл, периодически оглядываясь по сторонам, боясь новых странных чудес.

Рука его, та, которой он влез в лишайника, покрылась мелкими красными пятнами. Такие обычно бывают, если на руку попал мицелий грибка. Скоро кожа начнёт чесаться и шелушиться. Это не было большой проблемой, ведь насколько он помнил, у Аполлинаруи Николаевны была мазь, предназначенная специально для избавления от такой заразы.

Медленно исчезающая тропинка всё бежала вперёд. Она окончилась на прогалине, на которой разворачивалось одновременно интересное и ужасное действие. Там стоял мужчина с густыми усами, одетый в цилиндр и бушлат, делающий общественно неодобряемые вещи.

Евгений спрятался за толстое дерево и стал наблюдать. Странный незнакомец стоял перед пнём, на котором торчала вбитая в него палка с различными висящими на ней атрибутами, вроде перьев, листьев странной формы и другой непонятной ерунды. На небольшом отдалении от пня, в круге из веток лежало тело в обычном, для этих мест, мешке. Женя сразу признал это тело, именно из-за него Аллея однажды пополнилась очередным мемориалом и именно его он закидывал камнями. Он только в этот момент понял, что тела не было на своём месте. Вот, значит, где оно.

Незнакомец ходил по очень тонкому льду. За такой по-

ступок, в лучшем случае можно получить плетьюми десяток – другой раз, а в худшем – повиснуть рядом. Плети были редким наказанием в Стронгле, ведь свидетели повешений, либо вели себя примерно, либо, иногда, совершали что-то, удостаивающее их верёвки на шее. Это было одной из проблем таких казней, ведь многие могли получить психологическую травму и начать повторять за обвиняемыми.

Тем временем, странный ритуал, проводимый незнакомцем, подходил к концу. Он достал из кармана своего бушлата тёмно-зелёный бумажный треугольник и гравированную зажигалку, после чего поджёг его. До носа, подглядывающего за процессом, Евгения долетел запах горящего травяного букета. Незнакомец положил догорающий предмет на пень и, когда тот догорел, сгрёб пепел в ладони. Сложив их лодочкой, он подошёл к телу и дунул на него, после чего вернулся к пню...

Некоторое время ничего не происходило, но вдруг мешок задрожал, задёргался, и из него, разрывая ткань, стали вылезать серовато-чёрные конечности. Женя зачем-то стал считать их и, после нескольких мгновений, насчитал семь штук. Это было странно, и страшно, и он решил целиком скрыться за деревом. Из-за него он услышал сначала звуки ломаемых веток, а потом звук убегающих ног...

Когда он выглянул из своего укрытия, на поляне никого не было. Когда он подошёл ко пню, то услышал справа вдалеке душераздирающий крик ужасной боли. От страха, он,

не думая о том, что нужно скрываться, сломя голову понёсся прочь. Ему не повезло, ведь побежал он не к выходу, а дальше в лес.

Отбежав на достаточное расстояние, он замедлился, а после и вовсе пошёл шагом.

Рука начинала не просто чесаться, а страшно зудить. Он случайно расчесал её так сильно, что та расшелушилась до крови. Порывшись в своей сумке, он нашёл моток чистой белой тряпки, которая подходила, чтобы заменить бинт. Намотав её на руку, Евгений отправился дальше. После одного или двух десятков шагов он понял, что заблудился.

Озираясь по сторонам, он пытался понять две вещи: с какой стороны он пришёл, и почему ему в голову не пришла мысль взять с собой компас. Получить ответы на оба вопроса так и не вышло. В отчаянии Женя сел на случайно подвернувшийся пенёк. Зудящая рука ещё сильнее усугубляла сложившуюся ситуацию. Поэтому, ему не оставалось ничего, кроме как встать, и отправиться куда глаза глядят.

Медленно плетясь по лесу, он вышел на очередную прогалину, где лежало поваленное дерево. Он прошёл мимо него, подтягивая ослабший узел на повязке.

Спустя ещё несколько сотен шагов, Евгений увидел входную арку. Эта отличалась от остальных тем, что она была сделана из белого камня. Неужели она вела в Аллею? Если так, то ему очень повезло. Значит, он окажется не в огромном открытом пространстве леса, где прогуливается семино-

гая жуть, а в огороженном пространстве, в котором, правда, почти на каждом дереве висели тела людей.

Пройдя через каменные ворота, Женя увидел ряды скамеек, заросших выюном, которые доказывала, что он всё же оказался в Аллее. Одна из скамеек привлекла его внимание. Таких было множество по всей Аллее, но эта отличалась от остальных. Она, в отличие от остальных, не заросла так сильно, а ещё на ней что-то лежало. Подойдя ближе, он увидел карты, вырезанные из тонкого шпона дерева. Их было пять. На каждой было выжжено изображение. На первой был изображён висельник, на второй – дерево, на третьей – шляпа – котелок над завитыми усами. Остальные две были пусты. Что всё это значило, Евгений, естественно, не знал. Хотя, он догадался, что картинка со шляпой могла отсылать к тому незнакомцу, который, воскресив повешенного, стал его жертвой. Но откуда эти карточки вообще здесь взялись?

Женя поднял голову, оторвавшись от созерцания карточек, и увидел окутавший всё на расстоянии метров десяти вокруг, туман.

Он вдруг вспомнил про свою руку. Она, что странно, перестала болеть и зудеть. Опасаясь худшего, повязку снимать он не стал, а решил идти дальше.

Когда он отошёл от лавки на каких-то пару шагов, случилось то, зачем он сюда, собственно, пришёл. На деревьях, которые не поглотил туман, медленно покачиваясь, на него смотрели повешенные. Как и рассказывал очевидец, из глаз

их лился белоснежный свет, просвечивающий через плотный мешок. Он почувствовал, что по коже побежали мурашки, а на спине выступил холодный пот. Его охватил ступор. Он боялся даже повернуть голову.

Но вот, любопытство пересилило и Евгений развернулся и оглядел всё вокруг себя. Мельком, вдалеке он заметил, сложно различимую в тумане, фигуру стоящего на земле человека в шляпе. С мыслями о том, что ему просто показалось и следовало бы просто уйти отсюда, он попятился. Стоило ему ступить шаг, как он услышал приятный женский голос, который, несомненно, мог принадлежать только одному человеку – его матери. Голос пел колыбельную, странную и пугающую. Мама пела её лишь иногда, когда ему удавалось её уговорить. И вот, измученная ребяческими уговорами, она села рядом с ним и медленно затягивала те самые шесть строк:

Я к тебе во тьме приду,
Себе сон твой заберу.
Будешь ты в ночи сидеть,
И бессильно в ночь глядеть.
Будешь ты искать подмоги,
Но Он будет на пороге.

Маленький Евгений и знать не знал, о чём эти стихи и кто их придумал. Ему просто нравилось, как мама их пела.

Пытаясь не поддаваться ностальгическим воспоминаниям, он решил, что лучше поступить так, как это сделал Михаил – сбежать.

Он вновь бежал. Вся история с мороком, к которой он вначале отнёсся довольно скептически и думал, что это лишь маленькая нестрашная ерунда, которая встречается чуть ли не на каждом шагу, оказалась вполне серьёзной. И да, это был не морок. Это было нечто большее. В книгах Боуля описывались такие штуки. Странно, что Женя не предположил об этом сразу.

Это было нечто вроде леса – кукловода, который захватывал своих мёртвых обитателей и с их помощью охотился на живых. Аллея Висячей Толпы, вместе с прилегающим к ней лесом, была отличным экземпляром, ведь мёртвых там была просто куча.

Вдруг Жене подумалось, как этот самый Боуль Александр Дмитриевич писал об этом? В своих книгах, он говорил, что описанное в них происходило с ним в его путешествиях. Странно было и то, что страна позволила ему путешествовать, и то что ему удалось пережить события около девятнадцати своих произведений. Видимо он знал больше, чем знали, и могли знать, обычные люди.

Страх затуманил Евгению взгляд и он на полном ходу запнулся о торчащий корень дерева и, можно сказать, зарылся носом в землю.

Ударившись головой об ещё один такой корень, он снова

потерял сознание.

В очередной, за сегодняшний день, раз пробудившись, он встал, держась за голову. Вокруг всё изменилось, туман исчез, а деревья и земля выглядели обугленными. Женя недоумевая взглянул на часы. Механизм отвечающий за год, показывал, что с того момента, как он последний раз смотрел на них, прошло пять лет. Быть может даже больше, ведь барабан, отвечающий за год, не был обновлён.

Евгений, обескураженный таким стечением обстоятельств, сделал шаг, продвигаясь вперёд по выжженной земле. Она была ещё тёплой, он чувствовал это даже через подошвы обуви.

Позади он услышал хруст, заставивший его обернуться. Женя резко повернул голову и тело, в процессе всё окружение смазлось от скорости, а когда вернулось в норму Аллея стала прежней. Не было запаха гари, обугленных деревьев и падающего с неба пепла. Всё было так, раньше, но, опять же, без тумана. Но хруст раздался на самом деле. Его источником стала ветка, на которую встала одна из ног давешней твари, что, по его предположению убила усатого незнакомца.

Все те же семь ужасных лап, рук, или ног, чем бы ни были эти конечности. Пусть, разглядывать его долго, Евгению не пришлось, но какая-то из частей тела незванного гостя выбивалась из застывшей, в голове, картинки.

Ах да... У чудовища не было головы. На том месте, где она должна была быть, мешок провис влажной тёмной тряп-

кой. Страхолюдина стояла неровно, даже семь конечностей не могли ей помочь избавиться от медленного покачивания. Она закачалась сильнее, и вскоре упала. После падения она просто замерла. Не было никакой агонии. Видимо весь путь, что образина прошла до Евгения и был её агонией.

Из всего выходило, что не воскрешённое чудовище убило своего некроманта, а он его. А значит та фигура в тумане, что увидел испуганный Женя, могла быть живым человеком. Всё становилось ещё интереснее. Он чувствовал, как вопреки боязни, в нём рождается азарт. По телу пробежала дрожь от мандража, а глаза бегали в поисках очередной странности. Он впервые достал из сумки фотоаппарат, футляр которого спас его от двух хозяйских падений. Его название – полароид, казалось обладателю чем-то странным, ведь значения его он не знал. Это придавало фотоаппарату какого-то шарма и налёта иностранщины, которую все в этом городе любили.

Каким бы странным ни было название, механизм работы фотоаппарата был прост и понятен. При съёмке, фотография записывалась не на плёнку, а сразу на специальную фотобумагу, что избавляло от долгих процессов проявления.

Евгений снял монстра с нескольких ракурсов и сложил получившиеся снимки в специальный кармашек в своей сумке. После этого он вновь описал происшествие в блокноте, листьев в котором становилось всё меньше и меньше, и отправился в ту сторону, куда направлялся изначально. Рука в повязке всё также не беспокоила, только сам бинт всё время

норовил развязаться. Он вновь поправил его, с тревогой отметив, что тряпка стала как будто чуть длиннее.

Тропа, что петляла под ногами, становилась всё толще и различимее. Через некоторое время, она стала мощёной дорожкой, а ландшафт вокруг делался всё более знакомым.

Женя вдруг снова решил обратить свой взгляд на часы, про которые он вовсе позабыл, после встречи со страшной нечистью. Чудо ювелирной механики утверждало, что с того самого момента, как он вышел из дома, прошло трое суток. Циферблат показывал двенадцать часов, что подтверждало стоящее в зените солнце.

На всякий случай обладатель этого чуда ущипнул себя за три места сразу. Ощущения были не из приятных. Но при этом он сумел доказать себе, что всё это происходит с ним наяву.

После болевой терапии, Евгений зашагал по направлению к дереву с раскидистой кроной. На некоторых его ветвях висели главные обитатели этих мест. Совершенно не обращая внимания на то, что случилось с ним ранее, он подошёл к нему и понял, что люди, висящие здесь были в обычной одежде, без мешков. Похоже Женя забрёл на Рощу Отчаяния.

Те, кто был тут, явно сделали это недавно. Дерево было практически пустым и лишь несколько горемык составляли компанию тем, кто висел в Аллее за свои деяния. По хорошему было бы снять их оттуда, но для этого существует спе-

циальная служба, которая проводит еженедельные проверки Роши. Нужно просто сообщить им об этом.

Евгению от чего-то подумалось, что если он пробыл в Аллее трое суток, то в городе все уже наверняка думают, что он сгинул. Вот это будет ситуация, когда он неожиданно вернётся. Будет неплохо для начала показаться Аполлинару Николаевне, ведь она наверняка обеспокоена его неожиданной пропажей.

Он нашёл ту самую тропинку, на которую обратил внимание, ещё в начале своего путешествия. Пройдя по ней, он вышел на знакомые места. Неподалёку должен быть мемориал.

И вот, направляясь в сторону выхода, он небрежно отмахнулся от летучей букашки. С обмотанной руки, повязка на которой становилась всё длиннее и длиннее, слетела кучка перхоти. То есть щепотка отмершей и отвалившейся кожи. Похоже, грибок развивался весьма быстро и уже превратил в труху несколько слоёв эпидермиса.

Внезапное дуновение ветерка принесло прохладу в полуденную жару. Прохлада эта переросла в холод, от которого у Евгения прошла дрожь по всему телу, а зубы застучали друг по другу, словно дятел по дереву. Здоровой рукой он коснулся своего лба. Рука рефлекторно одёрнулась, будто от раскалённого чайника.

Несмотря на качку и бьющий его тело озноб, он отправился дальше. Завидев ворота издалека, он спотыкаясь поспешил к ним. Прислонившись к створке, он еле сдержался,

чтобы не сползти по ней и не сесть на землю, ведь голова кружилась, словно он стоял на корабле во время сильного шторма.

Через несколько десятков мучительных шагов, Женя увидел дом Аполлинарии Николаевны.

– Наконец, – прошептал он вслух.

Когда он всё же добрался до участка, то увидел хозяйку, сидящую на крыльце. Увидев его, она подбежала к нему, и помогла зайти в дом.

После того как они вошли внутрь, женщина положила его на диван в своей светлице и, тронув его лоб, отправилась на кухню, греметь склянками, в поисках лекарства. Евгений наблюдал за этим, запоминая лишь уголком ускользающего сознания. Он решил, наконец размотать правую руку, но трясущиеся холодные пальцы левой не позволили даже развязать узел. Бросив это дело, он стал наблюдать за сидящим в углу пауком, что неторопливо плёл свои сети, пока не закрыл глаза и не заснул от навалившейся на него усталости.

Когда Аполлинария Николаевна нашла то, что искала и вернулась в комнату, было уже слишком поздно...

Глава 4

В комнате сидели трое. Главный редактор Стронглевской газеты "Глашатай", глава самого Стронгля – Андрей Георгиевич, что был специально приглашён третьим гостем, приедем, который был вызван сюда, когда отправленный в Аллею Висячей Толпы, корреспондент не вернулся назад. Через три дня женщина, которая жила неподалёку от этой самой Аллеи, сообщила о его возвращении и внезапной смерти. Она прибежала в слезах к Павлу Семёновичу, как к единственному знакомому.

Благодаря Николаю, другому сотруднику газеты, и ещё нескольким случайным людям, хладное тело Евгения было доставлено сначала к врачу, а после к патологоанатому, служившему при городском суде. Он осмотрел изрядно побледневший труп, и наконец, размотал повязку, обмотаную вокруг его руки. То, что было под ней, ужаснуло даже такого опытного и повидавшего жизнь человека, как он. Под тряпкой находились лишь голые кости, образующие кисть. Грибок, разросшийся по всей руке, уже начинал сползать на запястье и даже грызть кость.

Когда эта информация дошла до главы города, тому ничего не осталось, кроме как обратиться в крупные ведомства. В ответ на это, в Стронгль прибыл человек, который представился специалистам п неестественным происшествиям. Он

тщательно, заперевшись в допросной комнате местного отделения полиции, допросил всех, кто мог знать хоть что-то о пострадавшем и случившимся с ним. Сейчас все были отпущены по домам. Тело несчастного было решено кремировать.

Среди тех, кто остался в распоряжении приезжего детектива, вёлся ожесточённый спор о том, что могло произойти. Сам детектив утверждал, что грибок, способный разесть руку, обычно селится только на мертвецах, ведь в их телах нет иммунитета, способного защитить организм больного.

Значит имело место либо убийство, либо самоубийство. Остальные доказывали, что это не могло быть самоубийство, ведь парню было незачем это делать.

Детектив говорил также, что для более тщательного расследования, понадобится больше людей, а это могло привлечь внимание всей страны и нарушить идиллию, установившуюся за несколько десятилетий существования города. Это стало одной из основных причин, по которой градоначальник находился здесь.

Постучав, я открыл дверь, которая как ни странно, оказалась незапертой. Войдя в кабинет, оглядел всех присутствующих.

– Покиньте кабинет, пожалуйста. – потребовал Андрей Георгиевич, – кто позволил вам войти?

– Моё пребывание здесь окажет вам услугу. Думаю, вы слышали обо мне, но это не так важно, – ответил я, поглажи-

вая, растрепавшиеся при подъёме на этот этаж, усы, – если вы позволите мне сесть, я расскажу о причине своего вторжения. А так же о том, как я могу помочь в решении вашей проблемы.

– Что ж, если вы что-то знаете, то выкладывайте, – он указал на свободный стул.

– Так, это для вас, Максим Карлович, – я вынул из кармана бушлата конверт с письмом и печатью от Организации Внутреннего Надзора, начальства детектива.

– А... Откуда у вас письмо от ОВН? – недоумённо проговорил он, принимая письмо.

Детектив разорвал конверт и начал судорожно читать письмо.

– А, и вот ещё, – я вытащил из другого кармана билет на паром, что ходил через реку, отделяющую Стронгль от других городов и делающую его, фактически, островом. – это поможет вам выполнить указание, изложенное в данном письме.

Гость выбежал, не прощаясь, лишь забрав портфель, который привёз с собой. Как только хлопнула дверь, закрывающаяся за ним, мне осталось только придвинуться к оставшимся в кабинете людям. На непонимающие взгляды я ответил:

– Ну что же, когда этот дилетант ушёл, мы можем, наконец, поговорить о вашем погибшем товарище. Я же правильно делаю, называя его товарищем?

– Вы, что, дали детективу поддельное письмо? – вставил градоначальник, – это же не законно!

– Во-первых, всё, включая печать, билет и даже письмо абсолютно подлинно, во-вторых, изоляция вашего города тоже не особо законна. Ну и в-третьих, вы так и не ответили на мой вопрос.

– Да, он был товарищем мне, – вставил Павел Семёнович, – но как это может повлиять на расследование нашего дела?

– Просто, мне нужно пообщаться с достаточно близким ему человеком...

– Погодите, вы так нам и не представились! – чуть ли не выкрикнул Андрей Петрович. – предъявите документы или я распоряжусь, чтобы вас вывели отсюда!

– Успокойтесь, Просвятителя ради, – я попытался умирить его пыл, – если вы изволите выслушать меня, то я, так уж и быть, обещаю постараться сохранить невидимость вашего, несомненно, прекрасного захолустья для Главной Коллегии.

Это сработало. Да так, что в кабинете на некоторое время воцарилась тишина. Я прервал её, сняв, наконец, шляпу и проговорив:

– Так, о чём это я? Ах да, о парне, что погиб в вашей аллее висельников. Я не буду сейчас говорить вам об излишней радикальности правосудия, которое вершат в вашем городе, ведь вы наверняка всё понимаете. Мне хочется поведать вам

о том, что все ваши предположения об его убийстве и даже самоубийстве в корне не верны, ведь убила его сама Аллея. Да, конечно, вы не поверите моим словам, но вы должны дослушать до конца. Эта ваша Аллея Висячей Толпы, за все эти годы, пополняемая телами, то есть свободными сосудами, стала лесом – кукловодом. Он может управлять находящимися в нём мертвецами, а так же добавлять к этому, различные... ммм... спецэффекты. Так, например, у висельников светились глаза, как рассказывал первый очевидец, Михаил, кажется, его звали. Или тот же грибок, который разъел руку юноши. Он создаётся как придаточное средство охоты. Таким большим созданиям требуется не только физическая пища, но ещё и психическая. Они считают прекрасным блюдом человеческие страдания и вытекающие эмоции. Такие, как страх, гнев и многие другие.

– Даже не представляю, откуда вы всё это знаете... – саркастично пробормотал Андрей Георгиевич, – вот вы несёте весь этот бред, а у нас там человек умер!

– Ну, касательно того, откуда я это знаю, я могу рассказать вам ещё одну историю. Рассказывать её надо не торопясь, иначе вы ничего не поймёте, а мертвец всё равно живее не станет. Так вот... В то время, лет эдак триста назад, когда Солнце наше «моргнуло», то есть совершило действие, очень на это похожее, на Земле произошли события, которые возвели оккультизм в ранг научных дисциплин. Тогда, ради нахождения ответов на новые тайны вселенной и систе-

матизации ответов на старые, был создан культ Познания. Они тщательно собирали знания и за три столетия набрали огромное множество изощрённых способов их приобретения. Я, так уж вышло, родился в семье одного из иерофантов этого культа и обладаю доступом к многим из таких способов, даже к тем, что сокрыты от простых смертных. Но, в отличие от остальных жрецов Познания, что за любой клочок информации готовы продать собственную мать, и, в последствии, хранят её, словно зеницу ока, я готов делиться всем, что узнал. И, собственно, делюсь.

– Так! – Градоначальник ударил по столу, да так, что я услышал, как в его руке явственно хрустнуло, – или вы уходите отсюда, или я подам на вас в суд!

Он так громко это выкрикнул, что в мешке, который я принёс с собой, раздалось тихое бурчание.

– Что это там у вас такое? – Павел Семёнович обратил взгляд к мешку.

– А, это? Это маленький сувенир, что был вынесен мной из Аллеи.

Я развязал мешок, после чего вынул оттуда голову, шея которой, была прикрыта тряпкой, привязанной словно на банку с соленьями. Голова начала тихо стонать:

– А зачем ты меня за волосы держишь? Мне больно!

– Если я буду держать тебя за шею, то тебе станет ещё больнее, так что терпи. – возразил я. Взгляни-ка на этих людей, друг мой. Ты узнаёшь их? А вы, господа знаете хозяина

сего котелка?

– Да, мне известен этот человек... – пробормотал газетчик.

– И мне известны эти люди! Вон тот, который справа, – он, дернувшись, указал на Павла Семёновича, – он помог мне однажды, избавив меня от страданий, вместе с жизнью. Тот мальчонка, что закидал меня камнями, не до конца лишил меня жизни. Но вы довершили это дело. Не думаю, что вы станете со мной разговаривать сейчас, вы всё ещё обижаетесь из-за дочери...

Тут Павел Семёнович, как и ожидалось, приподнялся, пытаясь добраться до головы, отчего мне пришлось резко ответить её. Голова громко зашипела от боли, ведь я наверняка вырвал из неё несколько клоков волос.

– Но-но-но, я зря что ли его оживлял? Это стоило мне невероятно больших усилий. Вы, я думаю, удостоверились в правоте моих слов. Человек способный вернуть, другого человека из мёртвых, явно достоин вашей веры, не так ли? А это я, пожалуй, пока положу сюда. – я опустил голову на стол под её неодобрительное нытьё. Так, а теперь, позвольте мне продолжить. Я закончил на том, что готов поделиться с вами информацией. Значит, слушайте. Лес, что питается и управляет мёртвыми телами, должен куда-то девать сознание или души, называйте как хотите, в зависимости от вашей веры. И он деваёт их туда, куда они должны были деваться с самого момента появления такого понятия, как смерть. Но

упомянутое мной ранее солнце, что «моргнуло» и вызвало катаклизм... Кстати, вы знаете вообще, что-нибудь об этом катаклизме? А то сидите здесь, сычуете на своём острове, который образовался, между прочим непосредственно из-за него.

– Да, мы в курсе. К нам на остров приезжают торговцы из других стран. А ещё учёные разные сбегают из больших городов прямо к нам. Они все делятся с нами общепринятой картиной мира, – буркнул глава города.

– Отлично. Значит вам будет легче понять мой рассказ. Значит, солнце моргнуло и сделало так, чтобы человек умирал с концами. А раньше, человек попадал в междумирье, или как его называют потомки римлян в нашем Культе, Эверлост, хранящее в себе бесконечное количество измерений, которые, в большинстве своём, представляли из себя Пути. Следуя этими Путями, человек познавал суть мироздания, преодолевая препятствия, что давало ему возможность получить привилегию стать создателем – демиургом и творить новые миры.

– А откуда ТЫ знаешь об этом всё? – завершала, вдруг, лежащая на столе голова, – тебе те, кто стали этими творцами новых миров подсказали?

– Да, точно, откуда вам это известно? – главный журналист города тоже заинтересовался этим вопросом.

– Подсказки к этим вопросам можно прочесть на полотне мироздания, – у меня получилось произнести это настолько

тайнственно и завуалированно, что они оба тут же притихли и я продолжил, – но всё, после описанных ранее событий, изменилось и Эверлост опустел и изменился. Люди стали просто исчезать после смерти, оставляя после себя холодное тело и более ничего. Бесконечное количество Путей междумирья, пребывая в запустении, сами по себе перекроились, отчего, те невзгоды, что выпадали на долю случайно попавших туда людей, теперь пытались их не испытать, а просто поглотить, насытив бесконечные миры. Но, как это обычно бывает, в крошечной тьме появляется лучик света. По всему миру появились места, через которые можно попасть в старую «жизнь после смерти». Звучит, конечно не очень красиво, но при этом не так сложно. И вот, так сложилось, что ваша АВТ, будем так её звать, стала таким местом. Всё люди, которые умирали там, как и вот этот гражданин, – я указал на голову детоубийцы, – все оказывались в бесконечной череде Путей, что давало возможность выдернуть его оттуда, причём создавая из него нечто ужасное. Видели бы вы, во что обратился сей индивид. На то, чтобы усмирить его у меня ушло времени и энергии столько же, сколько и на его подъём. Но это, я полагаю, того стоило, хоть он и забыл о месте, в котором оказался.

Само знание, о том, что в этом месте сохранились какие-то из законов старого мира, вызывают настоящее восхищение. Я пришёл в ваш город для того, чтобы исследовать его. Думаю, увиденного мной там, будет достаточно и я се-

годня же покину Стронгль. И да, кстати, я вижу на ваших лицах немой вопрос о том, могу ли я воскресить вашего товарища. Ответ – нет. Он, как я узнал, был достойным человеком и думаю, ему стоит пройти тот путь, ведь большинство попадающих туда – не самый приятный народец. Путь, который ему предстоит проделать будет сложным и, возможно, бесконечным. Настоящий Променад по Аду. Что ж, а на этом я вынужден откланяться. Перед выездом отсюда мне нужно будет вернуться в АВТ за некоторыми оставленными там вещами.

Я взял голову, положил её обратно в мешок, после чего вытер руки, сальные после волос, о свой бушлат. Совершенно неожиданно, ошарашенные моей лекцией, люди задали один вопрос. Задали одновременно, почти хором:

– А, что всё же стало с Евгением? —остальное говорил главред, – мы нашли фотографии, что он делал, пока был в Аллее. Там есть фото висельников со светящимися глазами, о них рассказал первый очевидец. А ещё тело... Может, я ошибаюсь, но мы насчитали...

– Много, конечностей. Да, я помню. Сие тело принадлежит ему, – я вновь указал на сумку, – это одна из главных сложностей оживления. Тело изменяется, а голова живёт своей жизнью, даже без него. Я рассказал вам то, что вы хотели знать. Неужели вы хотели бы услышать всю историю целиком?

– Да, пожалуйста, – ответил Павел Семёнович, – вы на-

верняка знаете всё, что там произошло, – голос его дрожал и он часто запинался от волнения, которое слабо прикрывало возвратившееся любопытство.

– Что ж, я думаю, эта история стоит того, чтобы быть озвученной. – проговорил я, возвращаясь на стул. – Я пожалуй попытаюсь разбавить её различными эпитетами. Слушайте. Мокрое и холодное лето...

Эпилог

Я нашёл карты, оставленные в Аллее и теперь стоял на том месте, где Евгений упал, потерял сознание и лицезрел видение.

Я сказал градоначальнику и главреду местной газеты, что не стану воскрешать их друга, чтобы в Эверлосте побывал более – менее достойный человек. Это было правдой лишь отчасти. Да, Эверлост существовал, но он давно стал просто чем-то вроде аналога дантовского ада, с бесконечным числом кругов в нём. Но основной моей Целью было не просто прийти и посмотреть на место, где выжили законы старого мира.

Я искал здесь нечто большее. И, собственно, нашёл. На оставленных мной картах появилось ещё два знака. Это были ворон и семирукое чудовище без головы. Эти карты стали неким якорем, что сможет приковать меня к здешним событиям и поможет вернуться.

Я смогу последовать за последним из тех, кого забрало это место и узнать больше тайн, чем остальные культисты Познания до меня. Я внук самого Аннитара, первого из Познавших Завесу и первооткрывателя Эверлоста. Мне необходимо доказать, что достоин своего предка.

В это же время, вокруг меня начинал закручиваться широкий вихрь, подхватывающий разнообразный мусор. С

неожиданно потемневшего неба стал капать дождь, капли которого, тоже подхватывались вихрем. Через некоторое время, я стоял в высокой трубе из листьев, веточек и воды, предвкушая, скорейший итог. Он не заставил себя долго ждать. Труба начала сужаться, а после, совсем схлопнулась, исчезая вместе со мной.

Сначала, я услышал громкий хлопок, а потом нахлынула чёрная как смоль темнота. Но она свернулась, словно шерстяной клубок.

А за ней меня ждал свет, яркий настолько, что от него сознание ускользало от меня, не давая возможности поймать его...